

ДИКАЯ ВЕДЬМА

Читайте в серии:

ИСПЫТАНИЕ ОГНЁМ

ПОСЛАНИЕ СОКОЛА

МЕСТЬ КИМЕРЫ

ДИКАЯ ВЕДЬМА

МЕСТЬ КИМЕРЫ

ЛИНЕ
КОБЕРБЁЛЬ

Москва
2017

УДК 821.113.4-312.9-053.6
ББК 84(4Дан)-44
К55

Lene Kaaberbøl
KIMÆRAS HÆVN

© Lene Kaaberbøl, Copenhagen 2011
Published by agreement with Lars Ringhof Agency ApS,
Copenhagen

Кобербёль, Лине.

К55 Месть Кимеры / Лине Кобербёль ; [пер. с дат. Е. Гуровой]. — Москва : Эксмо, 2017. — 192 с. — (Дикая ведьма).

ISBN 978-5-699-93429-4

Клара Ясень — необычная девочка. И необычная ведьма. Никто не учил её путешествовать по дикому миру, вселяясь в птиц и животных... это стало получаться само собой. Но приятными такие путешествия не назовёшь. Раз за разом Клара возвращается в мёртвый лес — и видит, как в этом проклятом месте погибает всё живое. Кажется, между мёртвым лесом и девочкой существует связь. Какое-то злобное и страшное существо хочет использовать Клару в своих целях. Юная дикая ведьма должна как можно скорее понять, что происходит, и положить этому конец.

Третья книга серии «Дикая ведьма».

УДК 821.113.4-312.9-053.6
ББК 84(4Дан)-44

© Гурова Е., перевод на русский язык,
2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2017

ISBN 978-5-699-93429-4

Воробьиное сердце

Я была птицей. Крохотные серо-коричневые воробьиные крылышки несли меня по воздуху, я порхала между веток и листьев, источающих аромат новой жизни и зелени, ведь почти наступила весна: на веточках виднелись пробивающиеся почки, которые можно было попробовать.

Каким-то образом я прекрасно понимала, что это сон. Сознавала, что в обычной жизни я не воробышек, а девочка по имени Клара, что у меня совершенно точно нет клюва с крыльями и на самом деле ивовые почки и шелуха семян не кажутся мне подходящим завтраком. Но в то же время я летела через этот лес, чуя наступающую вокруг весну, ощущая усилия при взмахе крыльев, чувствуя, как мои коготки непроизвольно цепляются за тонкие веточки, когда я где-нибудь присаживаюсь, чтобы погрузить клюв в сочную почку.

И тут я заметила что-то внизу — там, на лесной подстилке. Ягоду. Оранжево-красную, лишь слегка засохшую рябину, никем не тронутую! В это время года ягоды большая редкость, и при виде неё мой крохотный воробьиный желудок заурчал. Однако сразу снижаться я не стала. Потому что рябина лежала прямо рядом с... чем-то. Я не знала точно, что это. Понимала только: оно какое-то не такое, его *не должно быть* в весеннем лесу, полном жизни. Его покрывали мёртвые листья. Не просто увядшие, а именно мёртвые. Серые жилки, совсем потерявшие цвет, тонкие скелеты, навсегда лишённые жизни.

Листья вянут и падают с деревьев — это не ново. Так случается каждый год — к огромной радости жуков, червей, а также множества других мелких насекомых, вкусных и хрустящих. Но здесь... всё было не так. Признаков жизни насекомых в этих листовенных скелетах не наблюдалось — никто не копошился, не шебаршился, ничего не обгладывал.

Мне это не нравилось. Но... я просто обожала рябину! А эта ягодка с каждым брошенным на неё взглядом выглядела всё привлекательней и привлекательней. Оранжевый цвет кричал «Я вкусная!», запах призывал: «Давай съешь меня!», она казалась такой хрупкой и сладкой, к тому же все хорошие осенние ягоды давным-давно были обобраны, склёваны и съедены.

Я перелетела на одну из самых нижних веток. Ягода находилась на расстоянии лишь нескольких взмахов крыльев...

О-о-о. Мне так её хотелось съесть...

Но я не успела.

Крылья вдруг оцепенели. Коготки несколько раз сжались, а затем перестали цепляться за ветку. Свалившись, я полетела вниз — не в силах расправить крылья, шелохнуться, спастись, сделать хоть что-нибудь. Моё воробьиное сердце колотилось о полую грудную кость, кровь бешено неслась по венам и артериям, но тем не менее... тем не менее я не могла пошевелиться. Что-то захватило меня — что-то невидимое, но голодное и невообразимо сильное. Оно парализовало меня, вытеснило жизненные силы, крылья лишились перьев, а косточки переломились словно прутьики. Упав с глухим звуком на спину, я приземлилась на грудку мёртвых листьев, и последнее, что я увидела перед тем, как мои глаза лопнули, было перевёрнутое небо, серые жилки листьев и огненно-красная ягода, которую я так и не успела съесть.

— Клара!

Я бешено замахала крыльями. Задела что-то твёрдое и угловатое. И вместо крыльев у меня оказались руки. Голова кружилась, я встала на дрожащие, непослушные ноги, напоминавшие макаронины, и вынуждена была за что-нибудь ухватиться, чтобы

тут же не рухнуть. Пальцы вцепились в какую-то плотную ткань — я держалась за чью-то ветровку, висевшую на крючке перед кабинетом биологии в школе «Грёнванг».

— Что случилось? — спросил Оскар. — Ты что, заболела? Выражение лица у тебя ужас какое странное.

Если бы рядом был не Оскар, я бы наверняка ничего не сказала. Но ведь он знал почти всё. То, что у меня есть тётя — дикая ведьма, что я сама *в некотором роде* дикая ведьма, хотя и не такая умелая, что с того самого дня, когда Кот сначала поцарапал мне лоб, а потом подлатал его, слизнув кровь шершавым горячим языком, — с того дня вся жизнь моя пошла кувырком.

— Я была птицей, — вырвалось у меня. — Я порхала везде как птица, а потом... потом умерла.

Позади раздался смешок. Жозефина К. — кто же ещё. Вечно ей больше всех надо.

— Клара говорит, что она птица! — почти закричала она. — Ты что, сейчас поколдовала и в неё превратилась? Извини, но я не уверена, что колдовство подействовало. Может, помашешь немного крыльями, чтобы мы лучше всё разглядели?

Я совершенно не могла сосредоточиться на том, чтобы не обращать внимания на её слова или перевести всё в шутку, хотя прекрасно понимала, что это было бы самым разумным выходом. Моё сердце стучало так же бешено, как воробьиное, и мне

пришлось дотронуться кончиками пальцев до век, чтобы удостовериться, что с глазными яблоками всё в порядке — они по-прежнему находятся на своём месте, целы и невредимы, а не раздавлены, как ягода, на которую кто-то наступил. Что же такое убило воробышка?

А ещё почему — почему и каким образом получилось так, что я видела сон, когда на самом деле совсем не спала? Вот я стою в коридоре с Оскаром — и вдруг...

— Клара! — Оскар тронул меня за руку. — Мне позвать врача или что?

— Нет. Всё нормально. Я... просто задумалась.

Он понял по моему виду, что это неправда, но ничего не сказал. Это ведь его вина, что меня начали дразнить — не только тем, что он мой парень, хотя он им и не был, мы просто лучшие друзья, — но ещё и обзывая ведьмой. То есть они дразнили меня потому, что думали, что я считаю себя ведьмой, которая умеет творить всевозможное колдовство. Оскар проговорился Тайсу из своего класса, но, конечно, Тайс не смог сохранить секрет, и теперь его знала вся школа. Правда, никто, естественно, не уловил ни грамма сути и понятия не имел, кто такая *на самом деле* дикая ведьма, что она может и чего не может.

В данный момент я, видимо, не могла стоять в коридоре рядом со своим классом, не чувствуя себя птицей. Необычайно паршивое начало дня.

— Иди давай, — сказала я Оскару, так как знала, что ему вообще-то нужно идти вниз на музыку. — Увидимся позже.

Уходя, он обернулся два раза, но всё-таки ушёл. Он ведь прекрасно знал: лучше, если мы не будем вести себя слишком странно. После того как Оскар отсутствовал два дня, когда его похитила Кимера, его мама думала, что мы с ним играем в какую-то необычайно странную ролевую игру и, по её мнению, из-за неё он «потерял чувство реальности» — так она выразилась. Ей не очень хотелось, чтобы мы слишком долго находились вместе без взрослых, и каждую вторую среду она отправляла бедного Оскара к какому-то психологу.

Я украдкой прислонилась к прохладной стене и попыталась сделать вид, что ничего не случилось. Жозефина К. была готова отпустить ещё пару шуточек и уже рассказывала Ине из параллельного класса что-то о птицах, крыльях и странных идеях Клары.

Я пыталась не обращать внимания, но была слишком расстроена и напугана. Расстроена — потому... потому что, хотя всё было во сне, ощущения казались слишком реальными. Сердце воробышка лопнуло, птичка погибла. И я не могла не испытывать к ней жалости.

Напугана — потому что... со мной никогда раньше такого не бывало: что я стою и вижу сны. А что, если... Что, если это всё-таки был не сон?

⊕ Глава 2

Барсуки и другие животные

Наступала весна — не только в лесу, в котором летал во сне воробей, но и в действительности. На фоне мокрых от дождя фасадов сверкали желтизной кусты форзиции, а в лужах на песчаных дорожках Звёздного парка отражались проблески солнца. Я присела на влажную скамейку, пока Оскар, выполняя долг, побрёл с Плюшиком, своим чёрным лабрадором, по их обычному туалетному маршруту. Кот сидел на скамейке рядом, глядя вслед собаке с нескрываемым высокомерным презрением.

— Кот? — прошептала я.

«Что?»

В ответе чувствовались лень и небрежность. Порой его голос звучал у меня в голове так, словно Кот ничем больше в жизни не занимался, а лишь

лежал на плюшевом диване, поглощая сливки, но иногда слышалось грубое шипение, наводящее на мысль о том, что он самый большой и злющий кот с заднего двора, который когда-либо запускал когти в шкуру противника во время боёв у мусорки. Сегодня голос звучал так, будто Кот развалился на плюшевом диване.

— Мне кажется... похоже, мне нужно поговорить с тётёй Исой.

Я думала о воробышке целый день. Конечно, не всё время, ведь ещё происходило много других привычных вещей — уроки, обед, перемены, обычная болтовня, — но иногда. Каждый раз, когда ничего нового не происходило.

Кот не спросил зачем. Вместо этого он прыгнул ко мне на колени и стал обнюхивать подбородок, нос, глаза и волосы. На мгновение он уселся на свой широкий мускулистый зад, коснувшись правой лапой моего плеча. А затем осторожно, не выпуская когтей, положил левую лапу мне на лоб между бровей, прямо туда, где теперь виднелись бледно-белые, почти незаметные полоски шрамов от нанесённых полгода назад им же самим царапин.

— Что ты делаешь? — немного нервничая, спросила я.

Он не ответил. И на самом деле ничего не произошло. По крайней мере, ничего нового, за исключением того, что я снова вспомнила, каково было быть

воробьём в момент его смерти. Собственно говоря, этого оказалось вполне достаточно. По моему телу пробежала дрожь, одной рукой я закрыла сердце, пытаясь второй защитить глаза.

Кот зашипел и напыжился, так что вся шерсть стала дыбом. Он и так был огромным, размером почти с Плюшика, но когда у него так поднималась шерсть, он казался просто гигантским. Его золотистые глаза сверкнули.

«Пойдём», — сказал он.

— Сейчас? Но...

«Сейчас».

— Да, но... как же Оскар? Мама? Мне хотя бы нужно сказать...

Но приводить Коту аргументы — бесполезное дело. Он не понимает, что это такое — быть дома к определённому времени, рассказывать, где находишься. А может, ему просто всё равно.

В грациозном кошачьем прыжке он соскочил на дорожку, и вдруг я перестала видеть Оскара, кусты форзиции и здания, окружавшие парк. Всё исчезло в плотном тумане, который означал, что мы уже оказались на диких тропах, хотя я ещё по-прежнему ощущала под собой скамейку.

— Кот! Нет!

«Пойдём».

Мне ничего не оставалось. Если бы я была настоящей дикой ведьмой, я бы, наверное, сама могла

решать, хочу я оказаться на диких тропах или нет, и ещё могла бы сама там ориентироваться. Но в данный момент без посторонней помощи я даже не сумела бы найти дорогу к тётё Исе, к тому же Кот сказал «Сейчас», так что пришлось отправляться.

Добрались мы за одно мгновение. Хотя тётя Иса жила почти в самой чаще леса — чтобы добраться туда на машине, нужно ехать несколько часов по очень плохим дорогам, — я едва успела написать поспешную эсэмэску Оскару, как мы уже оказались на месте.

— Клара! Клара, смотри! Я могу летааааать!

Растрёпанный комочек перьев пронёсся, порхая, по воздуху и задел меня за плечо.

— Ой, извини! — запыхавшись, сказала Никто. — У меня... ещё не очень хорошо получается... приземляться.

Размером Никто напоминала сову, у неё были серо-коричневые перья и короткие крылья, но вместо когтей — человеческие руки, а на месте клюва и глаз хищной птицы — крохотное растерянное девчачье личико. Её создала Кимера — Никто называла её «мамой», и, наверное, это более или менее соответствовало действительности, — однако, по мнению Кимеры, она вообще ни на что не годилась, поэтому не заслуживала другого имени, кроме «Никто». Никто провела бóльшую часть жиз-

ни в клетке, потому что Кимере надоело, что та всё время пытается следовать за ней по пятам. Никто не могла сама чистить пёрышки, и поскольку у неё была аллергия на пылевых клещей, она довольно часто чихала, а её глаза постоянно слезились. По крайней мере, так было до сих пор.

— Какая ты красивая! — невольно воскликнула я, хотя на самом деле Никто сидела в тот момент на своей задней части в мокрой траве, довольно неуклюже махая крыльями, чтобы сесть прямо.

— Ты так думаешь? — спросила она. — Правда?

— Да.

Серо-коричневые перья сияли, а постоянных следов насморка и слёз на груди видно не было.

— И ты можешь летать!

— Да! — Она с ещё большим усердием замахала крыльями, поднявшись на несколько метров над землёй. — Я всё ещё... очень задыхаюсь, но получается уже... гораздо лучше.

Тупик пронёсся галопом через двор и стал гавкать, вилять хвостом и вести себя так, словно моё появление было самым замечательным событием в мире. За ним чуть медленнее и не в таком восторженном настроении следовала тётя Иса, однако улыбалась она очень тепло:

— Клара! Вот так сюрприз! А мама знает, что ты тут?

— Э... нет. Всё произошло очень быстро.